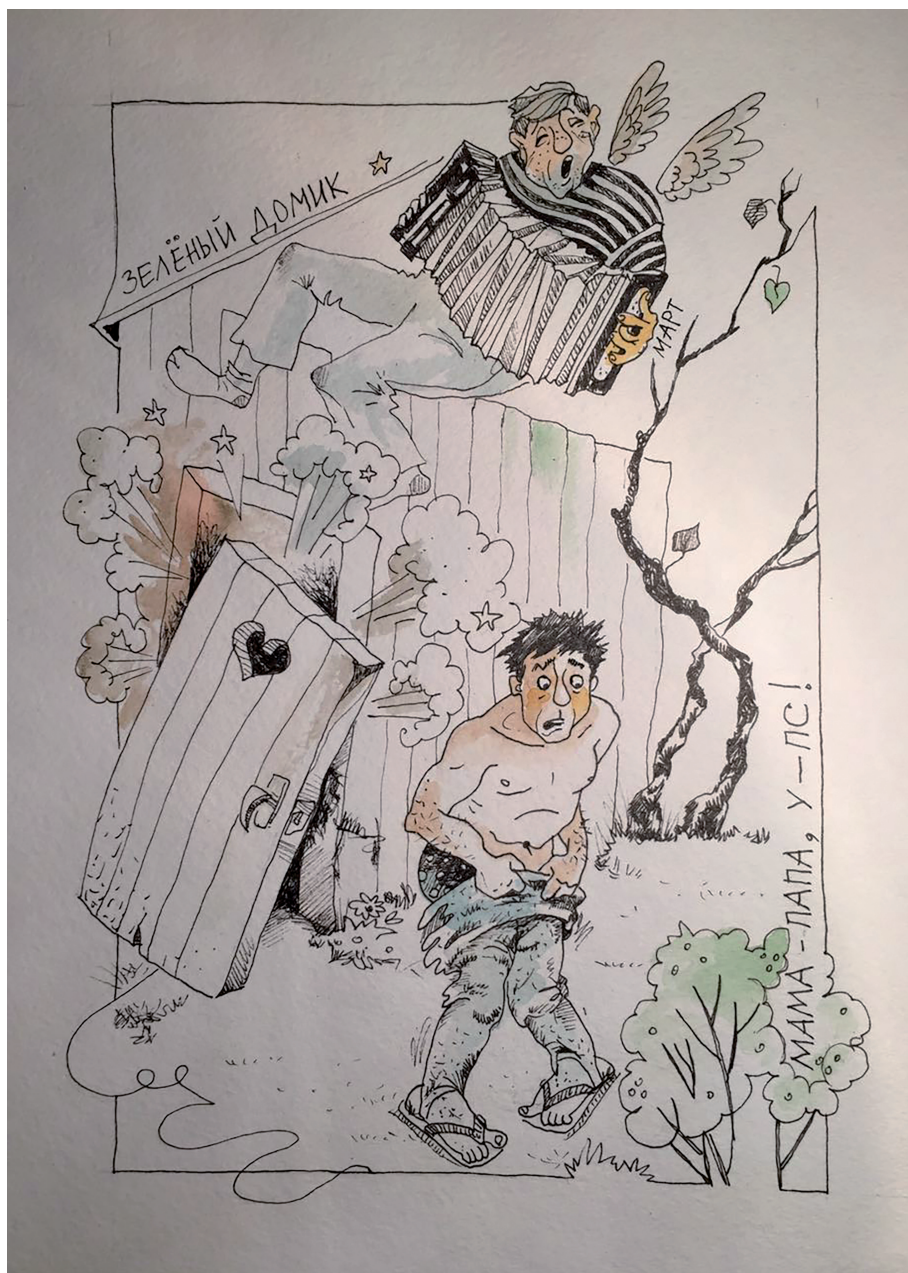

МЫ ЛЮБИМ ТАК, АЖ ВОЛКИ СТОНУТ!

Что ни говорите, а люди в пионерский лагерь подбирались особые! Вдумчивые люди, с инициативой и выдумкой! Видимое ли дело, увидеть чистящих картошку работников кухни, понимая, что все они в обычной жизни конструкторы, программисты, испытатели. Не удивительно, что рутина будничной жизни – подъем в 6.00, готовка завтрака, потом обеда, потом ужина с перебивкой на полдник, на который, если не было выпечки – этих вкусных мягких булочек с изюмом или плюшек с сахаром, - подавали печенье или пастилу с молоком или чаем.

Да, было еще молоко на ночь – пятое питание! А для особо проголодавшихся 1 и 2 отрядов вожатые просили остатки с ужина. А поди не кисло, когда в палату с уже погашенным светом ближе к полночи заходил вожатый, а с ним кто-нибудь из пацанов, а в руках они держали металлический тазик с котлетами, сосисками и остатками гарнира. Бывало, что и с сада-огорода успевали салатику прихватить! Вот это еда! Вот это оттопыр! Красота!

А для работников хоздвора, извините, работа. Работа, которая не кончалась ни днем, ни ночью! Но они, народ привычный, не сетовали на житье-бытье, и развлекали себя как могли. Естественно, с учетом специфики ракетного предприятия, на котором работали.

- А, Женька, привет! – искренне обрадовавшись

моему появлению из кустов, бросил кружковод Серега. В этот год, я студент Плехановского института, вырвался в лагерь, но пришлось несколько подзадержаться, поскольку сессия дело – серьезное, и шутки, как говорят, с ней шутить не стоит! И вот, наконец, отстреляв последние экзамены и зачеты, я, налегке, на электричке добрался в родные пенаты, где меня ждал мой клуб, мой кружок, моя «дископилорама» «Рок - всю ночь без ног!».

Обойдя бассейн «Бучило» по лесной дороге, я нырнул в лесок, а там через речку Капаньку по доске, через дырку в заборе, и как раз вынырнул у кинобудки «Лесной тишины». Миновав служебный «зеленый домик», известный тем, что старшие пионеры облюбовали его, стоявшего на выселках, как место для несанкционированного курения, я нос к носу столкнулся с Серегой.

- Ну как, студент, хвостов привез? – деловито огибая сортир поинтересовался он. Я, автоматически следовал за ним, как крысы за Нильсом с флейтой. В воздухе пахло интригой, и я это явственно осязал.

- Да нет, как всегда отстрелялся без штрафных очков! – похвастал я, пытаюсь определить, чем вызвано его хождение кругами вокруг интимного заведения. Карманы его желтых шорт оттопыривались, но угадать содержимое было невозможно. Наконец он остановился перед входом под кривой осиной, упиравшейся в основание крыши некрасивым изогнутым стволом.

- Вот как ты думаешь, Мартын сядет в индивидуальном отсеке, или предпочтет просторные апартаменты на четыре отверстия? – спросил он задумчиво, как бы самого себя, едва повернув, а не то, дернув головой, в мою сторону.

Ну, что на это скажешь? Вымытые с карболкой де-

ревянные полы были совершенно одинаковы в обеих частях деревянного «Версаля». Геометрия отверстий также не отличалась. Оставалось одно – индивидуальные предпочтения обсуждаемого персонажа. Валера Мартынов работал фотографом и отличался удивительной работоспособностью.

Что бы не происходило в лагере, уже через час в столовой стояли стенды с фото отчетом о произошедшем событии. Подчас бывало и так – футбольный матч еще не закончился, а в столовой уже висели фотографии лучших эпизодов. Работал Мартын в любом состоянии, в любое время суток с отличным качеством.

Мне он приходился дальним родственником. Настолько далеким, что настоящих общих корней не смогли откопать даже наши с ним вездесущие родственники.

Он проживал в своем кружке в Дворце Технического Творчества – длинной деревянной веранде с крыльцом и колоннами, поделенной на несколько помещений. Его левое крыло, со стенами, продуваемыми сквозь являвшиеся частью общего дизайна щелями, было самым шикарным – на окнах были монументальные деревянные ставни. До сих пор непонятно, зачем они там были нужны, при таких дырявых стенах.

Там же в кружке, была выгорожена каморка с дверью, за которой постоянно слышался звук льющейся воды, пахло фиксажом и проявителем, стояли картонные коробки, в которых в черной бумаге лежали листы, на которых при свете красного фонаря Мартын методично фиксировал лагерную жизнь, отправляя пачки отчетов в родимый профсоюзный комитет. Еще Валера классно играл на баяне. Его разухабистые песни слышались по ночам как гулкий от-

звук очередной вечеринки в пи/эль «Щербаковец», эхом ползли вместе с туманом со скошенного поля пи/эль «Дружба», тонули в кронах деревьев за хоздвором.

Но лучше всего Валера играл «Семь сорок» - модный в наши времена перепляс, при котором руки забывали где ноги, ноги где руки, а пальцы разбегались в разные стороны, оставляя за собой послевокусие неистовой пляски. Вообще, у него было много талантов. И, хотя назвать его красавцем было бы актом глумления над правдой, женщины находили в нем много такого, что их бессознательно к нему тянуло.

Между крышей коморки и крышей ДТТ было пространство. Туда были заброшены матрац с одеялом и подушкой. Там жил я. А в каморке на полочке возле водопроводного крана стояли мои бритвенные принадлежности и зубная щетка. Может быть проживание в одном ДТТ, может совместные похождения, а может и еще что-то сдружило Валеру и Сергея. В лагере их воспринимали исключительно как две половинки чего-то целого. Только вот чего? На этот вопрос вам ответа не даст никто. В общем, это были друзья. И это знал весь лагерь.

- Валерка индивидуалист, он одинарный номер займет! – высказал я свое предположение.

- Во-во! Индивиду... Как ты его обозвал? – запнувшись на полуслове и шмыгнув носом спросил Серега.

- Пойдем, поможешь! И мы, миновав кусты, поднялись по ступеням в авиаракетный кружок, где мою сумку через плечо, с гостинцами из Москвы, быстро поменяли на бухту проводов, которые мы скрытно протянули под кустами в сторону туалета.

- Короче, Женьк! Сейчас Мартын пойдет освежиться. А ты жди моего сигнала! Как махну рукой,

так ты сразу вилку в электрическую розетку суй! Все понял? – заговорщицки заглядывая мне в глаза шипя, словно заправлял модель самолета горючкой, нашептывал Серега.

Мы вышли на крыльцо, и в этот момент распахнулась дверь фотокружка. На пороге стоял фотографически оптимистичный Мартын в тренировочных штанах, шлепках и голым торсом.

- О, Женька, привет! Из Москвы? Ну, погоди, сейчас вернусь, поговорим! – он штатно пожал мою ладонь и заскользил по тропинке вдоль зооуголка к зеленому домику. Ляля, словно пытался докопаться до содержимого, тер тряпкой лысину пингвина – постамента лохматого года изготовления из глины, выложенный изразцами черного и белого цвета - то ли осколками кафельной плитки, то ли цветного стекла.

Не удостоив товарища даже намеком на внимание, он целиком ушел в работу, одному ему ведомую, и, похоже, в ней заблудился. Меж тем Мартын успешно миновал счастливую дорожку к заведению и, насвистывая очередной шедевр для баяна с фотографом, закрыл за собой дверь общего отделения на четырех человек.

- А интересно, что Ляля в этот раз удумал? - периодически проносилось в мозгу, но я гнал эту зловредную мысль прочь. Друзья! – чего ж не приколоться над товарищем! Покрутив еще с минуту тряпкой у клюва пингвина, Серега в три прыжка приблизился к зеленому домику и, убедившись, что процесс развивается по плану, замахал мне руками. Я взялся за электрическую вилку и подошел к розетке.

- Эх, жалко, что не угадали с расположением! Надо было в коммунальной части сюрприз готовить! – думалось мне.

В моем понимании должно было произойти что-

то смешное. Например, зазвучать сирена и замигать цветные лампочки елочной гирлянды, щелкая допотопными реле переключения. Или, командный голос дежурного по лагерю: «Дружина, смирно!» - мог бы врубиться через динамик. На крайний случай, электропривод с радио-моделей мог бы открыть клетку с индоутками, и они, как перелетные птицы через слуховое окно, посыпались бы прямо на голову сидящего.

Мысль работала как заведенная, а руки неумолимо вставляли вилку в розетку. - Мама-папа, у-пс! – пронеслось в голове, а за окном раздались три взрыва подряд, из слухового окна зеленого домика повалил белый густой дым. Еще через мгновение дверь слетела с петель, вынесенная мощным ударом ноги, а на ней, с видом персонажа из кинофильма, кричавшим: «Я - Гриша!» - появился перепуганный Мартын, с газеткой во рту.

- Я сожгу тебя, Ляля! Как фрица под Москвой сожгу! – кричал подбитый ниже ватерлинии фотограф.

Собрав разбросанные вещички, он стремительно удалился в фото - кружок. Уворачиваясь от оплеух пробегающего мимо друга, Серега прятался за монументальным пингином, хмыкая носом и тараща удивленные глаза.

- Да ты что, Валер? Да разве я мог, тебя? – но, не смотря на удивленные интонации, в нем хохотало все, начиная от пухлых губ до недорощенных бакенбард, вставших дыбом.

- Серег, чем это ты его? – поинтересовался я, выйдя на крыльцо. - Здорово бабахнуло!

- Подумаешь, всего-то четыре конденсатора. Только вот один не сработал! – разочарованно заметил он.

- А как же ты угадал? Мы же хотели в индивидуальный отсек заложить? – допытывался я.

- Во! То-то и оно! Мартына надо знать в лицо! Лишенный роскоши ищет ее повсюду! Ты поживи с ним с мое, будешь знать! – закончил он философски.

- Ну, ладно, располагайся, а мне на хоздвор надо! – бросил он уже на бегу и скрылся за углом ДТТ.

У дверей столовой со стороны хоздвора сидела группа женщин в белых халатах. Перед ними стояла большая алюминиевая кастрюля с ручками наполненная водой. Со скоростью дождевых капель кастрюля издавала очередной «бульк», и очередная почищенная картофелина наполняла ее. Беспорядочное бульканье сочно пересыпалось женским разговором и смехом, что помогало работе, повышая ее производительность и скрашивая однообразность.

- А вы видели, как сегодня Толика кто-то в будке-то и запер. Он и стучал, и просил его выпустить, и матерился – бесполезно! Вот уж он изголялся в эпистолярном жанре, вот уж сыпал эпитетами... Бледные ноги в синих трусах, волосатая грудь под «алкоголичкой», и шевелюра на голове торчком в разные стороны – «Я упала с самосвала!». А ведь какой интеллигентный человек, сыпал по матери эпитетами целый день и не повторялся. Вот это, скажу я вам, кругозор! Вот это эрудиция! К ужину только и утихомирился! – хохотнула одна из женщин, обращавшаяся с картофелем также нежно как в родном Институте с флагоманом российской вычислительной техники машиной «Минск».

Удобная была техника! И зонтик после дождя высушить, и носочки – мощные вентиляторы справлялись с задачей на раз! Когда их демонтировали, сколько всего нужного народ для себя из них сумел извлечь! Одних только станочков из двигателей от вентиляторов для домашнего обихода было наделано великое множество! Тут тебе и точило, и свериль-

ный станок и даже хлебoreзка. Вообще, народ на кухне подобрался боевой, с научной закваской. Поэтому и разговоры были далеки от банальных, т.е. с известной перчинкой, густо замешанной на женской иронии, и изысканном чувстве юмора. Тональность бульканья менялась с удивительной быстротой. Количество картофеля росло в геометрической прогрессии, воды становилось меньше, и протяжный затягивающий звук «бу-у-уль-кв» сменился коротким и невыразительным «быльк».

- А Васю-то вы давно не видели? Не слышали, что они тут с Фуксом учудили? Ну, так слушайте! – перехватила инициативу другая женщина в белом накрахмаленном колпаке.

- Возвращались Вася с Фуксом из Москвы на электричке. Все такие приличные, в костюмах, белых рубашках, туфлях. И от станции «Садовая» шли с женщинами из Щербаков. Понятно, познакомились, разговорились. Ну, наши - то и распетушились, мол, они все из себя такие молодцы! Мол, все женщины в нашем лагере вокруг них, как пчелы у Типы в теплице на огуречных соцветиях роятся. Вот только по-настоящему достойных мало – продолжала она, не забывая лихо орудовать ножиком и наблюдая исподтишка за реакцией окружающих.

- О чем речь! Приходите в гости к нам в Щербаки! У нас в детском городке очень даже достойные женщины! – кокетливо пригласили их новые знакомые.

- К тому же, много незамужних. Кто совсем, а кто временно!

Женщины вокруг кастрюли заинтересованно слушали, улыбаясь очередным байкам, которые летали по лагерю стаями. И каждый новый день приносил все большее их количество, так что радио можно было не включать. Слушать Райкина уже было неак-

туально, а Петросян тогда только начал появляться на экране телевизора и особой популярностью не пользовался.

- Да, у нас тут приезжают разные – кто из Дорохово, а кто даже из Рузы, – да только попьют, поедят, потом догонятся пивком и никакие. А мы ведь живые, нам ласка нужна! – тяжело, словно о чем-то наболевшем сказала одна – поправив колпак и, заправив растрепавшиеся волосы, продолжала рассказчица.

Вот тут Вася с Фуксом и отличились! – Да вы нас не знаете! Да мы, да мы... Да мы так своих женщин любим, аж волки стонут! – выдал распалившийся Фукс, а Вася яростно закивал головой, не сумев проглотить последнее «да мы...».

- Нет, девки, хороши молодчики! – Любим так, аж волки стонут! И откуда это Фукс таких образов нахватался? Вот, смотрите, простой электрик, а как выпукло изложил! Осязаемо! – разгоряченная рассказчица сглотнула и затихла.

Бульканье перешло в шлепанье. Картофель горкой возвышался над кастрюлей. Вода практически вылилась на асфальт перед столовой.

- А где Толик? – спросила шеф-повар, женщина роскошных форм и властной натуры.

- Надо бы на плиту картошку отнести!

Послышался звук хлопнувшей двери на пружине, какие обычно бывают в гарманже. Что – то, похожее на ящики громынуло в коридоре, и на улице появился Толик. Лицо его еще не потеряло следы утреннего негодования, но уже и не фонтанировало отрицательными флюидами, разлетающимися под девизом: «Дайте мне того хохмача, что запер меня в холодной на полтора часа! Я порежу его мелкими брусочками как морковь, а потом еще проверну

через мясорубку для пущей мягкости!» Напротив, бурые пятна негодования превратились в ровный малиновый цвет благодаря дальновидной политике начальника лагеря, который был разбужен раньше, чем обычно, громкими стуками и отборной бранью, доносившейся из деревянной будки, поставленной вокруг колодца. Солнце еще только собиралось появиться на небосводе, дети сопели в своих кроватках, а в лагере уже творилось черте что.

Это было неправильно. Начальник накинул спортивную куртку, надвинул тапочки и вышел на крыльцо. Сомнений не было, звуки доносились из будки. Не торопясь преодолев тридцать метров до будки, начальник увидел, что металлическая скоба накинута на петлю и зафиксирована веточкой, а под дверную ручку кто-то подставил для надежности короткую доску, что б уж наверняка! Из столовой бежала повариха.

- Ну, вот опять, Сергей Семенович, смена заступила, а Толика нет! И где его только черти носят? – тарахтела она.

- Вот у чертей и спросим! – чертыхнулся начальник – Добрые люди! Там же сливочное масло можно в жару хранить – не растает! – и он начал открывать дверь.

Действительно, из глубины колодца несло таким холодом, что набирать воду было делом непростым. Каждую секунду хотелось завернуться в теплое одеяло или выбежать из будки на сияющее летнее солнце, так щедро раздающее свое тепло всему живому. Долговязый и вечно бледный Толик с недобритой щетиной хотел было обрушить на него весь праведный гнев пролетария, брошенного в застенки, но вовремя узнал начальника и мгновенно сдуслся.

- Кто это тебя? – спросил начальник – Давно сидишь?

- Да, поди часа полтора! – переходя на мелкую дробь зубами произнес Толик.

Лицо его было покрыто бурыми пятнами негодования. И без того бледный, он напоминал теперь беглеца из анатомического театра, с синими губами, вечного главного героя пионерских полночных рассказов. Дрожащие узловатые коленки долговязых волосатых ног, торчащие из синего сатина придавали ему образ супового каплуна. И только торчащий во все стороны одновременно вихор кричал всему миру: «Ненавижу!»

«Несчастливая синяя птица! Мы варим ее третий день, а она все такая же сырая как погода в январе!» - процитировал Жванецкого начальник.

- Пойдем, терпонец, спирту налью! У меня лишних людей нет, заменять тебя нечем – и он направился в сторону дома.

Через пять минут он захлопнул дверь комнаты начальника и заторопился в свой барак. Бурые пятна потеряли свою актуальность, явно посветлели и выровнялись в цвете. Пунцовое лицо было наполовину выбрито, гребень на голове уже не болтался, но торчал гордо и задиристо.

- Побрейся, все ж с детьми работаем! – бросил из окна начальник. Махнув рукой, Толик заспешил переодеваться. Можно было расходиться по местам. Картошка начищена, фарш прокручен – пора готовить ужин.

- Отдохнем минут 10, успеем еще! – бросила шеф-повар – Так чем там закончилось у Васи с Фуксом?

- Как чем? А ничем! Пришли они в Щербак в гости. Их как людей встретили, а они наелись – напились, да и говорят, мол, девочки, что-то мы сегодня устали. Давайте перенесем на следующий раз. Понят-

но, всякое бывает! Но в следующий раз повторилось то же самое. А в тот день наш Ляля пошел в Щербаки по своим авиамоделльным делам, да натолкнулся на Васю с Фуксом, удиравших через забор. Вася только и сумел сунуть Ляле ключи от своей машины «Пиво-воды» и попросить отогнать ее в лагерь. И как только Ляля нашел машину на дороге у Щербаковских ворот, и хотел завести, дверь открылась и его из-за баранки на землю вытащила огромная баба.

- Так это ты любовник, от которого волки стонут? – тоном, не оставлявшим перспектив радоваться жизнью далее, громогласно спросила она, заворачивая в узел ворот рубашки, от чего дышать становилось труднее, а позвоночник вообще провалился в штаны.

Соппротивление было бесполезно, а воздуха катастрофически не хватало.

- Ну, девки, нашли себе полюбовничка! Ну, ни кожи, ни рожи! – пробасила баба.

Из-за ее спины выглянули две красавицы – попутчицы наших донжуанов.

- Ой, баба Маша, а это не он! – взвизгнули они, взглянув на почти безжизненное лицо Ляли, глаза которого начали закатываться, обнажая белки глаз.

Подбородок кружководы дернулся дважды, дыхание перешло в хрип.

- Как не он? А где же он? Это же его машина? Это твоя машина, сладострастеец? – дыша в лицо кружководу тяжелым дыханием, спросила баба.

В глазах у Ляли уже кружили в темноте серебристые звездочки, дыхание остановилось, грудь давила тонна живого пресса.

- А самбистскую куртку надо бы постирать! – пронеслось в голове – Или выбросить!

Но, прежде чем потерять сознание, он сумел просипеть:

- Отогнать... Машину просил отогнать... И ключи оставил!

Свет и воздух включили одновременно. Слипшиеся легкие с восторгом приняли первую волну свежего воздуха и поперхнулись в сладостном восторге. В глазах появились очертания верхушек щербаковских елок, голубой контур ассенизаторской машины. Звездочки рассыпались за горизонт и погасли. Вместо них в кадр вползло лицо монстра, пытавшегося сделать какое-то подобие улыбки.

- Ну, ты это, извини! Ошибочка вышла! - пробасило лицо.

- Да ничего-ничего – отряхивая штаны и поворачивая свернутую шею, ответил Ляля.

Единственным его желанием было побыстрее забраться в машину и рвануть в сторону любимой «Звездочки» с первой космической скоростью. И уже захлопнув дверцу и убедившись, что заработал двигатель, Ляля выглянул в окошко автомобиля.

- Волкам скажи, если поймаю, они у меня так стонать будут, аж в Рузе услышат! – с угрозой, но уже миролюбиво сказала большая дородная женщина с добрыми глазами, больше похожая на воспитательницу детского сада, чем на монстра.

- Непременно, мадам! – ответил Ляля, окончательно пришедший в себя, и, взревев изнасилованным двигателем, умчал по гравийной дороге, оставив за собой клубы поднятой пыли и сизых выхлопных газов. - Вот тебе и Вася! Вот тебе и Фукс! А мы-то, бабы, и не знали, с кем работаем! Гляди, какие джентльмены на говнокачалках ездят! Пора за работу. Надо успеть ужин приготовить! – и шумно встав, женщины собрались зайти в столовую.

Что-то на миг остановило всеобщее движение. Это что-то не то рычало, не то свиристело за забором

хоздвора, неумолимо приближаясь. И вот в ворота хозвора въехала лагерная пожарка – красный пожарный газон с квадратной мордой и надорванной сиреной. Машина ехала сама. За рулем никого не было. Зато на месте пассажира сидел лагерный баянист, ответственный в институте за работу ДОСААФ, прозванный ребятней за курчавую шевелюру Бонифацием, как в известном мультике про льва на каникулах.

Окно с его стороны было открыто, и хоздвор захватили звуки известной мелодии «Коробейников»: «Распрямись ты рожь высокая, тайну свято сохрани!» - выводила мелодия.

А водителя-то нет! Это стало видно абсолютно всем, стоявшим у столовой на хоздворе. Вот она - тайна! А где ответ?

В это время пожарка сделала круг почета по хоздвору и развернулась другой стороной. Дверца водителя была открыта. На подножке в своем дежурном комбинезоне водитель – Василий Иванович, невысокий, крупноголовый с круглыми чуть навывкате глазами, - лихо отплясывал, отбивая ритм по стальной подножке кирзовыми сапогами и держась за руль одной рукой.

- Эх, мамочка дорогая! Эх, елочки зеленые! – вдохновенно кричал он, утирая катящиеся из глаз слезы – Хорошо – то как!

Машина остановилась. Бонифаций свернул баян и подошел к работникам пищеблока.

- Добрый вечерочек, дамы! – галантно раскланялся он.

- А что это вы на нас так смотрите, что-нибудь случилось?

- Да мы тут все думали, как волки стонут – отозвалась женщина побойчее в накрахмаленном колпаке, – А оно - это вона как!

Разом хохотнув, женщины вошли в здание столовой, оставив баяниста самому додумывать, о чем это она сказала.

Василий Иванович терся у своей пожарки, то ли подкачивая колесо, то ли проверяя, не открутили бы что пионеры в свой авиаракетный кружок. Это ж не дети, это волки!

Проходящего по хоздвору Лялю окликнул начальник, высунувшись из окна дома.

- Ляля, подойди-ка сюда! Есть вопросы!

- Слушаю, Сергей Семенович! – весело, но внутренне подобрившись, ответил Сергей, подходя к рубленому дому, на крыльце которого стояло рассохшееся пианино, по клавишам которого долбил всяк входящий.

- Скажи, Ляля! Вот ты взрослый человек, вы с Мартыном сегодня в котором часу в лагерь возвратились. Где вы все шлындаете? Чего народ смущаете?

- Вы, о чем, Сергей Семенович? Мы вроде никого не обидели? Никого не напугали? – подозревая, что все это «жу-жу» не просто, спросил кружковод.

- А я о том, что дырка в заборе только одна – за моим домом. И тропинка тоже одна – под моими окнами. А вас с Мартыном только Одиссей с залепленными воском ушами не услышит. Вы ж, как Сирены сладкоголосые со своим баяном – от Щербаков слышно! Но, я не об этом! – начальник глубоко вздохнул и еще больше высунулся из окна. На языке жестов это не предвещало ничего хорошего.

- Вы зачем Толика в будке у колодца заперли? Человек чуть воспаление легких не схватил! Ведь в трусах одних, а там холод! На смену в столовую опоздал. Чуть завтрак из-за этого не задержали! Вот сколько я с тобой буду так говорить? – и начальник снова тяжело вздохнул.

Его коренастое тело, когда-то хорошо тренированное, медленно сползло вглубь комнаты. Напряжение в разговоре не спало. Наоборот, казалось, что это только начало.

- Выгоню я тебя из лагеря! Что б духу твоего здесь больше не было! Толика в холодной закрыл. Яму прыжковую физрук три дня перекапывал – взорвал, так что новый КАМАЗ с песком пришлось подгонять. Люди в лесу мирно отдыхали ночью – подбросил бомбочки в костер, так что весь костер сначала поднялся на высоту елок, а потом головешками попадал на головы отдыхающих! Единственный раз наступил на мину – и та не взорвалась! Ну, что ты за человек такой? Вот и зовут тебя все не Сергей, а Ляля! Нет, собирайся и выметайся из лагеря! Нет больше моих сил с тобой воспитательной работой заниматься! – закончил начальник и закрыл окно, дав понять, что разговор окончен.

- Все, приплыли! Пойду собираться! – подумал про себя Сергей, а вслух произнес:

- Мне одному собираться или вместе с Валерием Петровичем?

- Одному. Валерка еще нам пригодится! – услышалось из-за окна.

К дому начальника подходил вожатый старшего отряда. Он уже давно просился в поход с отрядом, да только то погода не та, то лагерные мероприятия не позволяли. Вот и теперь он в очередной раз шел просить разрешение. Услышав, что в разговоре начальника и кружководы образовалась пауза, вожатый не замедлил вставить свое: «Добрый вечер!»

- Да уж, добрый! Добрее только ваш Пендикулятор! – негромко откликнулся начальник

- Что у тебя?

- Сергей Семенович, отпустите в поход! Я уж и

с врачом договорился, снаряжение на складе получил, продукты выписал... Ведь вторую неделю ждем разрешенья! Пустите, а? – переходя на жалостливые нотки, просил вожатый.

И, словно забыв про самое главное, добавил:

– Дети к Толмачини ходили. Он с Илюшей разговаривал, тот обещал погоду! Вот! – словно подводя итог, типа «рапорт сдал», закончил вожатый.

– Постой, а Толмачев-то тут при чем? Он какое отношение имеет к походу? – начальник тер виски ладошками, явно не сумев сложить очередную картинку лагерного калейдоскопа.

– Как при чем? Так он же с Ильей – пророком, что в небесной канцелярии, на дружеской ноге. Попросят, и будет погода! А третий отряд проигнорировал, так помните, как их из похода в ливень на автобусе вывозили? Вот теперь весь лагерь к Толмачини за погодой и бегаёт. Ну, что б похлопотал там, в небесной канцелярии! – вполне серьезно объяснил вожатый.

– И что, и как это Толмачев с небесной канцелярией общается – через радиорубку или радиокружок? – слегка ехидничая, спросил начальник.

– Нет, зачем же! Он через пачку сигарет! – как само собой разумеющееся сказал вожатый.

– «Стюардессу»? – для чего –то спросил недоумевающий начальник.

– Нет, «ВТ»! И еще, просьбочка есть, Сергей Семенович. Отпустите с нами в поход баяниста Валеру, а то взрослых не хватает – поняв, что поймал Бога за бороду, наседал вожатый.

В это время Ляля понял, что надо действовать. Терять было нечего. Приговор оглашен. Не таков был Ляля, чтобы вот так уйти. Хотелось хлопнуть дверью или сказать что-нибудь дерзкое. И он сказал.

– Хорошо, оставайтесь с Мартыном! Только он

больше вам не помощник и в поход идти не сможет! У него депрессия началась!

- Что у него началось? Какая декомпрессия? – слышалось из-за окна.

- У него нервный шок вследствие непрогнозируемого выброса газопродуктов во время дефекации...
- на ум приходила сущая глупость, а язык ее озвучивал.

- Слушай, Ляля, ступай уже. Мало мне заумных речей в институте на стенде. Видишь, человеку нехорошо. Приехал в лагерь – забудь всю эту ракетостроительную хрень!

Начальник почувствовал себя неважно, но старался не подавать виду, и закончить эту бредятину побыстрее. В голове уже не просто все смешалось, но громоздилось в нереальные образы – поход пионеров, Толмачини, разговаривающий с небесной канцелярией через пачку сигарет, баянист парящий над туалетом, Толик захлеб лакающий спирт... И уже собравшись закрыть окно, он бросил:

- Вон, Астафьев с вами в поход пойдет. Других людей у меня нет! А с тобой, Ляля Черная, разберемся после похода!

В это время во двор въехала свиристящая сиреной пожарная машина, из которой неслись залихватские звуки баяна, и знакомые всем «Коробейники» настраивали обитателей хоздвора пионерского лагеря на оптимистичное отношение к жизни и присутствию в ней некой тайны или загадки.

Солнышко село за горизонт, обещая на последующие три дня теплую погоду без дождя. Как раз такую, какая и нужна для похода. За дверью кружка Валерка душевно выводил на баяне: «А вторая пуля – дура ранила меня!» Пара нестройных женских голосов пыталась ему подвывать, норovia взять пожа-

лостливей, попроникновенней. Получалось не очень, но, видимо, это никого не смущало.

- Амнистия! – ликовал Сергей, поглаживая черную голову каменного пингвина у ДТТ. Пойти что ли, раненного Мартына проведать? Какая там у него пуля застряла? – и он повернул налево к дверям фотокружка.